

Бах и тормоза

Летом москвичам традиционно отключали не только горячую воду, но и классическую музыку: московские музыканты разъезжались по отпускам и гастролям, приезжих же концертантов при этом почти не наблюдалось. За всех без видимого напряжения отдувался Александр Евгеньевич Майкапар, увлеченно игравший сложнейшие клавесинные программы в очень уместно подбираемых им интерьерах.

...В тот вечер было по-настоящему жарко. Окна концертного зала Гнесинской школы — Музикальной гостиной Дома Шуваловой на Поварской — пришлось держать открытыми. Так что к звучанию клавесина то и дело примешивались звуки газов-тормозов у светофора на маленьком перекрестке прямо под оными окнами. Слушателям было трудновато — чего, к моему удивлению, нельзя было сказать об исполнителе, невозмутимо игравшем свою любимую Хроматическую фантазию и прочего Баха.

После концерта я, как обычно, подошёл к Майкапару — в тот раз не столько поблагодарить за прекрасную музыку, сколько выразить соболезнования по поводу условий, в которых пришлось играть. "Да полноте, Савелий, — с какой-то почти детской радостью неожиданно отреагировал Александр Евгеньевич, совсем не выглядевший уставшим, — а во времена самого Баха разве не так же было? То всадник мимо проскачет, то петух прокукарекает!"

Колченогий тафель-клавир

Уникальный и капризный Музей-усадьба Останкино, весьма раскрученный к началу 2000-х как площадка для изысканных концертов старинной музыки, уже и забыл, что подвижником, начавшим за десяток лет до этого заново наполнять волшебными звуками шереметевские залы во вполне себе антисанитарных условиях, был не кто иной, как Александр Майкапар. Для этого маэстро многократно привозил туда из дома (что весьма непросто — чай, не скрипичка) собственный немецкий клавесин Ammer, иронично называемый им "изделием гэдээрской мебельной промышленности" — больше клавирной музыке полноценно звучать в полузараженной усадьбе на тот момент было просто не на чем.

Справедливости ради, на чердаке бывшего театра крепостных ещё подавало слабые признаки жизни прямоугольное фортепиано начала XIX века, которое Майкапар мечтал отреставрировать. За этим редким инструментом мы и застали Александра Евгеньевича, полулегально проникнув на этот чердак с фотографом Михаилом, чтобы придать моему уже подписанному к печати интервью с Майкапаром для еженедельника "Семья" визуальную убедительность.

Подлый клавир стоял относительно маленького оконца так, что при столь желанном естественном освещении на фото попадал лишь затылок исполнителя. Хотя и великолепная шевелюра Майкапара могла бы сама по себе украсить публикацию, всё же решено было несколько подвинуть инструмент в шесть рук. Но поскольку половой вопрос на этом чердаке, видимо, в последний раз решался ещё при граве Шереметеве, то старичок немедленно угодил одной из дряхлых ножек в просвет между досками и... лишился её. Работы реставраторам явно не убавилось.

И без того не самое круглое лицо Александра Евгеньевича в ужасе вытянулось ещё больше. Но вслух он при этом сказал: "Так, ребята, фотосессия окончена, вас здесь не было, я этот вопрос решу сам." Это был тот совсем не обязательный в жизни случай, когда за благородной внешностью жило благородство манер.

"Да, породистый мужик!" — только и смог уважительно подытожить фотограф Михаил, когда мы ретировались. Но на фото в газету породистому мужику пришлось в результате попасть-таки рядом со своим верным изделием гэдээровской мебельной промышленности.

"Один на всём свете нормальный"

Однажды, заглянув к Майкапару домой за всегда желанным приглашением на очередной концерт, я неожиданно застал хозяина в несколько растрепанных чувствах. Александр Евгеньевич перемещался сам и перемещал какие-то бумаги между подоконником, журнальным столиком, диваном и клавесином, и выглядел при этом искренне раздосадованным. Подозреваю, что это была некая аккумуляция глупостей, которыми исправно отправляют жизнь

истинному таланту эксплуатирующие его клерки от филармоний, издательств и так далее, оправдывая тем самым своё существование.

На мой сочувственный вопрос, что же именно его так расстроило, Майкапар ответил весьма общей фразой, которая как раз вследствие своей универсальности не выходит у меня из головы уже почти три десятка лет. А сказал он, дословно, следующее: "Вы знаете, Савелий, бывают в жизни моменты, когда тебе кажется, что ты один на всём свете нормальный!"

С тех пор я постоянно размышляю о понятии "норма". Мне совсем не хочется думать, что норма — это манера поведения большинства. Но мне очень хочется думать, что норма — это соответствие неким высшим стандартам, вне зависимости от степени их достижимости. В этом русле, я хотел бы предложить название единицы интеллигентности — **1 майкапар** — и заявить, что человек, которому ниспослано несколько миллимайкапар, может уже считаться вполне интеллигентным.

Савелий Кричевский,
Шарлоттаун, Остров Принца Эдуарда, Канада